

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2РОС=РУС)6
КТК 610
П 43

Погодина-Кузмина О.

П 43 «Не чужие» и другие истории : [сборник]. — М. : Флюид ФриФлай, 2019. — 448 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Рассказы и пьесы Ольги Погодиной-Кузминой могут быть написаны на историческом материале и посвящены гениям прошлого — Нижинскому, Толстому или Маяковскому с Лилей Брик, — а могут быть выдуманы от начала до конца. Но они всегда рассказывают в том числе и о нас с вами — о природе человека, о судьбе и страсти.

ISBN 978-5-906827-75-3

© О. Погодина-Кузмина, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© П. Лосев, оформление, 2019

ΠΡΟΖΑ

СОЛНЦЕ НИЖИНСКОГО

Дневники катастрофы

Горят щеки — значит, кто-то вспоминает. Я вспоминаю тех, кого люблю.

Что, если нас тоже вспоминают мертвые? Мне кажется, я чувствую, когда они молятся за нас. Я слышу странный гул внутри моей головы. Или это биение крови?

Танец у меня внутри.

Что теперь будет с нами? Что означает эта череда потрясений? Бог оставил нас?

Вскоре мы растворимся в забвении вечного сумрака, в бесконечной вселенной, в неизвестности черной дыры...

А может, он послал нам испытания, чтоб указать новый путь? Глупцы не слышат музыки милосердия, пусть грянет симфония гнева! Так думает Бог.

Я улыбаюсь. Даже когда умираю от страха. Никто не должен видеть мой страх.

На сцене следует улыбаться. Даже если играешь трагедию.

Аллегро мольто.
Аллегро.
Аллегро виваче.
Виво, виваче, престо!

* * *

Сегодня был странный сон. Мы шли по Набережной Неисцелимых — Дягилев и я. Он — значительный, высокомерный. Шиншилла — так его называли из-за рано поседевшей пряди, вот здесь, надо лбом.

«Шиншилла знает всё об искусстве! — шептались девочки в кордебалете. — Он играет на фортепьяно лучше нашего аккомпаниатора... Он лучший во всем!»

Дорогой Сережа! Шел рядом и ругал меня.

«Ты бездарность, тупица. Ничего не добилаешься в жизни, и ничего не добьешься. Тебя взяли в труппу из жалости, ты ни к чему не пригодна...» Я пыталась возражать, вспоминала свои успехи, но он не слушал. С удивлением думала — за что? Ведь раньше он хвалил меня, а теперь так холоден и строг...

Я должна заниматься экзерсисом танцевальным. Я должна развивать мои мышцы. Я буду танцевать еще лучше. Сергей Павлович станет доволен... Он снова любит меня...

Дягиль — это лекарственная трава. В деревне есть такое слово — «дягльй». Это значит здоровый, сильный.

Я сильно любила его. И люблю до сих пор.

* * *

Я нашла волшебный фонарь, огарок свечи. Тени блуждают по стенам — карнавал, веселая толпа, гондолы у пристани. Доктор Песте, Моретта — молчаливая красавица, Пульчинелла — вечно обманут женой.

Ольга варит чай из брусничных листьев.

«Почему все эти дни я вспоминаю Сережу?» Она улыбается: «Ты забыла, сегодня его день рождения».

Боже, боже! Как можно забыть...

Который по счету? Я перестала слышать время!

Нашла календарь. 1872-й, високосный год, тоже начался в понедельник. Женщины носят пышные юбки, турнюры, локоны, вуали с мушками. Повсюду в Европе строятся железные дороги.

Состоялся первый международный турнир по футболу. Играли команды Англии и Шотландии. Не было забито ни одного мяча.

Первый Интернационал исключил из своих рядов анархистов, сторонников Бакунина. Победили идеи Карла Маркса: «С уничтожением классов должно само собой исчезнуть неравенство, несправедливость и угнетение одного человека другим...»

А что у нас? В Москве запустили первый трамвай на конной тяге. Достоевский печатает «Бесов» — роковую книгу, которая ничего не предотвратила.

Ольга, смотри, вот запись! «31 марта 1872 года, в Новгородской губернии, в усадьбе своих предков,

родился будущий реформатор русского театра, Сергей Павлович Дягилев». Всего три строчки. И портрет.

* * *

Матильда Кшесинская родилась в том же году, в августе. Интриганка, насмешница, селимена — возлюбленная сразу нескольких принцев.

Премьера, триумф! Сколько цветов! Сколько оваций! Она бежит за кулисы, из груди доносится рыдание. К ней спешит хореограф.

«К чему эти слезы, Малечка? У вас колоссальный успех!»

«Да, но ведь у вас тоже!»

Такие ходят сплетни про нее. Мол, она не выносит соперниц и даже соперников, заставила Нижинского уйти с императорской сцены, уехать с Дягилевым в Париж.

Мол, по ее совету Нижинский в «Жизели» вышел в облегающем трико, которое своим откровенным видом оскорбило императрицу...

Нет, нужно совершенно не разбираться в деле, чтобы поверить в это!

Во-первых, что такое Императорский балет? Придворная служба. Дисциплина, иерархия, порядок. Костюмы утверждал сам Теляковский, артисты ничего не могли изменить. Во-вторых, Мария Федоровна выходила со спектакля спокойной и весьма довольной

представлением — это видели сотни людей. В-третьих, Вацлав ни разу не обмолвился об этом случае, он не придавал ему значения.

Да, были интриги, доносы, зависть и ревность. «Нижинский слишком хорош, он затмевает партнершу». Но разве затмевал он Павлову, Карсавину? Нет, он им помогал парить над сценой. С ними поднимался ввысь, обращая тело в тот инструмент, которым говорит душа...

Я говорю Ольге:

— Знай, это неправда, что балерины желают друг другу зла: не получить роль, упасть, сломать ногу...

— Нет, конечно, нет! Одна балерина может желать другой только смерти!

* * *

— Второе апреля. Весь день идет снег, и батареи больше не греют.

— Вчера Ольга принесла откуда-то два сломанных стула. Дерево живое, оно горит веселее, чем уголь. Долго смотрели в огонь.

— Разве это не чудо, что в нашей комнате сохранился камин? Это знак свыше — значит, нам позволено жить, заботиться о телесном.

— Долго не спали этой ночью. Сидели, прислонившись спиной к теплу, опять вспоминали Дягилева.

— Почему Сережу лучше знают в Париже, Лондоне, в Америке, в Монако?

— Неудивительно. Звезда его вспыхнула и сияла там, на лучших европейских сценах.

— Да, это так. Из России он черпал сокровища памяти, здесь искал танцовщиков, композиторов, живописцев. Собирателъ редкостей, гранильщик бриллиантов.

— Он прививал толпе свой аристократический вкус.

— Но ведь на каждой афише значилось: «Русский балет! Русский балет!» Он первым ввел в моду русское, научился его продавать. Да, это стоило немалых денег! Труд, лишений, жертв. Это стоило жизни.

— В советском Ленинграде имя его было знакомо немногим. Он вернулся уже в Петербург, как и положено антрепренеру — на афишах, в концертах, спектаклях... После гибели телесной, в расцвете своего бессмертия.

— Разве это не странно, что он умер в Венеции? В городе вечного карнавала. Какую маску выберем для него?

— Он умирал тяжело, в горячке. Думал ли он о любви? О балете? О Боге? Или все мысли затмила чудовищная тень?

— Может, это он посылает мне сны из неведомого мира?

— Баутта, маска Казановы. Черная мантия, треугольная шляпа и белая маска, прикрывающая лицо. Голос под ней менялся неузнаваемо. Строгий и зловещий образ.

— Любовник, внушающий трепет.

Ольга пересказывает слухи. Все частные предприятия закрыты, работают только государственные. Электричество еще подают в больницы и школы, но скоро атомные станции исчерпают ресурс. Началась переделка храмов и мечетей — будут новые боги, другие обряды и молитвы. Говорят, в алтарях установят магнитные камни, излучающие сигналы в космос.

Я сказала: «Глупо надеяться на помощь — в космосе звучит такая прекрасная музыка, что никому нет дела до земных страданий».

Ольга озабочена земными делами.

Рабочим на заводах, инженерам, врачам, учителям начали выдавать продуктовые карточки, теплые вещи. Но для получения нужно присягнуть новому правительству и пройти обряд отречения от прежних верований.

Но самое странное — люди всё еще ждут наступления весны. Об этом говорят на рынке. Мол, солнце иногда виднеется сквозь облака, значит, земля не так уж сильно отклонилась от своей орбиты.

Конечно, есть и те, кто разделяет мрачные прогнозы. Постепенно остывая, Земля окончательно удалится от солнца. Снежный покров будет становиться всё толще, превращая планету в огромный ледяной саркофаг.

Балет — предчувствие катастрофы, мир теней.

Нижинский!

Призрак розы — во всем, что он делал и говорил.
А я — лишь мумия розы на его саркофаге.

* * *

Мы с Ольгой помним слишком много. Мы помним время, когда снег еще убирали с улиц. Теперь, когда у нас украли лопату, мы можем оказаться в сложном положении. Если дверь завалит снегом, Ольге придется выходить из дома через окно. Хорошо, если сугробы будут плотные, она сможет легко спрыгнуть и подняться обратно.

Она сказала — тогда и *другие* смогут залезть. Я не знала, что на это ответить.

Разрушение так же старо и скучно, как строительство. Как верно он заметил. Милый, несчастный Александр Блок... Потому что и разрушают, и строят рабы. Мы все — рабы своих потребностей: мы не можем не спать, мы не можем не есть. Мы всё время будем строить и разрушать, оставаясь рабами, пока не придумаем что-то третье... Раньше мне казалось, что третий путь — творчество. Мой танец в облаке души...

Творчество соединяет в себе созидание и разрушение, как глина соединяет в себе землю и воду. Но это всё те же земля и вода... Чтобы глина стала амфорой, нужен огонь. И воздух.

Я, сотворенная из земли и воды, жива, пока во мне теплится огонь. Но всё, о чем я думаю сейчас — как заново открыть этот способ подняться в воздух?

* * *

Два часа занималась у станка и упала в обморок от голода. Ольга пошла на толкучку продавать вещи. Ольга очень любит меня.

Попросила ее купить толстую тетрадь. Буду записывать сны и перечитывать записи. Мир прошлого — единственное место, где сохраняется живая, теплая реальность. В настоящем только зима, холод и смерть.

Если думать о том, что происходит, можно сойти с ума. Повернуть время вспять, вернуть ушедших, чтобы не помнить о настоящем.

Голоса из прошлого внушают мне больше доверия, чем мой собственный голос. Но я должна говорить. Я буду говорить одна в пустой холодной комнате, иначе я сойду с ума...

Сальвадор Дали обещал какому-то американскому музею сфотографировать Бога за 150 тысяч долларов. Жаль, что у меня нет этой фотографии. Я бы поставила ее на тумбочку рядом с кроватью.

Ницше не мог поверить в бога, который не способен танцевать. Я тоже не приму такого бога. Балет — боль — Бог.

Радость! Танец — это радость... Танец — это любовь.

* * *

В театре Сергей Павлович часто принимал высокомерный, необычайно отталкивающий вид, надевал

монокль и едва здоровался с простыми танцовщиками. При этом с самой приятнейшей улыбкой кланялся высокопоставленным знакомым... Теперь смешны эти обиды. На Дягилева нельзя сердиться, особенно во сне.

Что испытывает человек, не одаренный божественной искрой, но жадно стремящийся к творчеству?

Пишет о себе:

«Я шарлатан, притом исполненный блеска; великий чародей; нахал; человек, обладающий большой долей логики и малой — щепетильности; человек, удрученный, кажется, полным отсутствием таланта. Кстати, видно, я нашел свое истинное призвание: меценат. Для этого у меня всего есть в достатке, кроме денег, но это придет со временем!»

Ему двадцать три года, он влюблен в искусство, в себя в искусстве, в зеркальное отражение, в свое блестящее будущее...

Ольга принесла мороженой картошки и крупы.

— Прекрасно! Станем варить похлебку в самоваре.

— Глупости. Есть же кастрюля.

— Но я хочу в самоваре! Как Марина Цветаева в 1919 году!

Грели воду, стирали белье. Мыли друг другу волосы над тазом.

Снег идет бесконечно.

Мне говорил один поклонник: вас нельзя любить. Обнимаешь — будто в руках бьется птица.

Сегодня видела во сне хорошее, но когда проснулась, всё забыла.

Ольга любит меня, но она совсем не умеет торговаться. Выменяла чернобурку на несколько вареных картофелин. Я люблю свои меха...

Теперь мой воротник наденет чужая женщина, чтобы пойти на улицу развратничать с солдатами. Нет, солдаты — не совсем верное слово. Варвары? Басурмане? Не знаю, как их назвать. Голодные лица, зубастые рты. Клекот вместо речи. Они не поймут балет, даже если им объяснить. Впрочем, им ничего не объяснишь.

Но те, кто правит солдатами — страшнее всего. Однажды я стояла за оцеплением и видела их, выходящих из автомобилей. Эти маски на лицах, плащи, капюшоны. Да люди ли они? Под мрачной униформой может скрываться что угодно. Гигантские рыбы, рептилии или просто — темная пустота.

Хотя еще страшней думать, что невесть откуда пришедшие чужаки — такие же люди, как мы.

Они — это мы завтрашние. Или вчерашние.

Мы рано ложимся, что еще делать в такую погоду?

Ольга шепнула мне перед сном, слышала, как говорят на рынке: «Новые власти хотят открыть театр!»

Сегодня — странное происшествие!

Приходил незнакомец в дымчатых очках, закутанный в шарф. Принес кофе, сахар, коробку конфет, лимоны, консервы. Сказал, что он давний мой поклонник... Я не могла разглядеть его лица.

Надела бархатное платье, норковое манто. Ольга сварила кофе. Мы сели за стол и представляли, будто жизнь идет прежним порядком. Будто слово «балет» еще что-то значит.

Можно не думать о том, что снег больше не тает. Забыть, что на улицах режут, сажают на кол, жгут дома.

Обжигающий кофе, конфеты — было сладко и хорошо. Совсем как раньше, рассуждали о политике — но не всерьез, а что-то легкое, ни к чему не обязывающее.

Гость говорил: «У нас в России люди разделяются на две категории — на вечно „во весь голос“ протестующих и на вечно покорно молчащих. И то и другое одинаково бесцельно, так как при этом у нас совершенно отсутствует третья категория — людей что-либо „делающих“».

Эти рассуждения о всеобщей праздности звучали так очаровательно старомодно. Сейчас ведь все что-то делают. Вернее, делают всего два дела — одни убивают, другие отчаянно пытаются не умереть.

Я говорила откровенно. Спрашивала о басурманах — кто они, откуда пришли? С неба, из-под земли? Как это связано с катастрофой? Что будет с нами, если зима про-

длится еще один год? Неужели на юге, в тропиках, на экваторе тоже зима и теплые моря покрыты льдом?

«Мадам, я надеюсь на лучшее. Человечество найдет способ спасения. В отличие от динозавров люди — весьма живучие существа».

Он пробыл не больше часа, стал прощаться. Перед тем как поцеловать мне руку, снял очки.

Басурманские глаза! Сплошь чернота, без радужки и белков. Я застыла от ужаса.

Слишком поздно поняла, он — один из них.

Говорят, они никогда не видели солнца.

* * *

Нижинский, как и Дягилев, родился в начале весны. Двенадцатого марта 1889 года. В Киеве, в семье балетных танцовщиков. Мать и отец родом поляки, католики, крестили сына в Варшаве, в костеле Святого Креста, где покоится сердце Шопена.

Когда мальчику было восемь лет, родители развелись. Мать с тремя детьми отправилась в Петербург искать заработка и счастья.

Вацлава удалось устроить в Императорское балетное училище. Младшую Брониславу тоже приняли на полный пансион.

Старший брат Стасик выпал из окна и разбил голову. Пришлось отдать его в психиатрическую лечебницу в Лигово.

Часто говорят — в безумии есть высшая цель, безумец иначе видит мир, это расплата за гениальность. Стасику не было и десяти. Он остался в сумасшедшем доме на всю жизнь. За что Бог потребовал от него расплаты? Трудно верить в предопределение, когда страдают дети.

Сон жуткий — черные глаза впиваются в мое лицо и прожигают кожу. Подхожу к зеркалу — на щеках, на лбу, на груди — страшные дыры, насквозь, как пулевые отверстия в железной двери.

Я видела такую дверь в стене разрушенного дома. Сквозь дыры проникал слабый сумеречный свет.

Ольга говорит, этот кошмар от непривычной пищи. Мы ели всё подряд — рыбу, апельсины, яблоки, конфеты. Как беспечные дети в праздник.

После еды чувствуешь свой желудок. Нельзя танцевать с переполненным желудком.

Неужели Гость к нам больше не придет?

* * *

На рынке рассказывают: был пожар в квартире ресторатора, который поднес мне к юбилею те изумрудные серьги. Настоящее сокровище, Ольга их обменяла на полмешка мороженой картошки и бутылку прогорклого масла. Что? Ах да, была еще пшенная крупа. Мы почти не были знакомы, но я хорошо запомнила этого человека, его улыбку — хитрую и добродушную.

К нему пришли под видом обыска, завели в спальню, ударили по голове и задушили простыней. Затем пили его коньяк и несколько часов насильовали его молодую жену, а потом задушили и ее. Затем подожгли квартиру.

Нет, это сделали не чужаки, а рабочие, которые еще до катастрофы отделявали для него бассейн мраморными плитами. Пятилетнего сына они оставили в живых, но ребенок задохнулся во время пожара.

Мы с Ольгой видели дым из окна. Не уверена, что это был тот пожар... Сейчас много подобных случаев. Ольга говорит, что не может осуждать убийц. Они давно ненавидели нас за изумрудные серьги, за фальшивые благотворительные аукционы, за мраморные бассейны в особняках, за бриллиантовые ошейники для собачек. За все годы унижения и уничтожения, когда их трудом и потом, болезнями их жен и детей оплачивалась роскошь сытых... Если бы пять лет назад ресторатор мог предвидеть, чем всё закончится, он бы, наверное, заплатил своим рабочим по справедливости.

Жаль, что справедливость существует только в нашем воображении.

«Творец должен любить лишь красоту и лишь с нею вести беседу во время нежного, таинственного проявления своей божественной природы. Реакция искусства на земные заботы и волнения недостойна этой улыбки божества...»

Удивительно милый смех. У него удивительно милый смех... Говорили, что в нем есть что-то страшное, что он ходит «не один». Много цинизма — и в денежных вопросах, и в отношении к людям. В этом была его сила, но и слабость. Он хотел, чтобы искусство возбуждало чувственность.

Всё в Дягилеве необычайное и значительное... Он открывал миру гениев.

Брат Дягилева, Валентин Павлович, был штабным офицером, принял революцию, преподавал военную историю. Арестован в двадцать седьмом и расстрелян в Лагере особого назначения на Соловках в том же 1929 году, когда умер Сережа. Самый младший брат Георгий, музыкант-любитель и художественный критик, после революции занимался ткацким производством, был осужден с конфискацией имущества и сослан в Сибирь. Умер в 57-м году под Ташкентом.

* * *

Мы приносим с чердака и пилим деревянные балки. Весь пол покрыт опилками, как цирковая арена.

Делаю экзерсис, смотрю в окно.

— Какое сегодня число?

— Двадцатое.

— А месяц?

— Кажется, апрель.

— А год?

— Разве это еще имеет значение?

Ужас безумия начинается не тогда, когда принимаешь фантазии за реальность. Наоборот — это реальность становится неуправляемой и жуткой, растворяется в воздухе, течет между пальцев.

Все, что происходит сейчас, похоже на нескончаемый сон. Реально только то, чего не было.

Одеваюсь в прихожей, хочу идти.

— Куда?

— На площадь. Встану посередине и крикну людям, солдатам, безмолвным пугающим маскам в окне: «Верните мне танец!!!»

— Тебя арестуют.

— Не важно, они должны знать. Балет — это радость! Мы танцевали радость! Балет — это праздник, волшебство, карнавал!

Ольга снимает с меня шубу, захлопывает дверь.

— Балет — это похороны. Брежнев... Андропов... Черненко.

Что? Ах, да. Шутка. Она пытается меня развеселить.

Улыбаюсь, чтобы ей сделать приятное.

Я тоже помню эту череду правительственных похорон, и «Лебединое озеро» по телевизору, и заводские гудки. И разлитую в воздухе недобрую усмешку.

Похороны Ленина.

Похороны Сталина.

Нескончаемая толпа течет по улицам, клубится у входа на площадь. Давка, рыдания, крики. Конная милиция, оцепление. Венки, целые ведра цветов.

Как будто сыгран великолепный спектакль, и публика не хочет отпускать артистов.

Звучат продолжительные аплодисменты.

* * *

Холера. Голод. Тиф. Цинга. Изуверство. Крысы питаются мясом повешенных.

Художник Серт сказал: «Знаете ли вы, мадам, что аист может умереть от голода, даже если положить перед ним гору лягушек? Достаточно подпилить ему клюв, и он утратит чувство расстояния».

Его жена, Мися Серт, всё время болтает о русском балете. «Ты не можешь себе представить, Коко, как это прекрасно! Когда ты это увидишь, твоя жизнь преобразится».

Мадмуазель Шанель, ей чуть больше сорока. Такая моложавая, что в документах убавила себе десять лет. Мися рассказывает ей о русских, о Дягилеве — называла его Дяг, — пичкает своими воспоминаниями. «Она меня очень развлекала».

Сидели вместе, он ворвался к Мисе — сбежал из Лондона, разоренный постановкой «Спящей красавицы». Коко поднялась: «Приходите ко мне, я живу в отеле „Ритц“. У меня есть деньги, я хочу помочь. Сколько вам нужно?»

Шанель тут же дала ему чек. Они даже не были знакомы. Дягилев боялся ее. Он, всемогущий Дягилев,

подтягивался в ее присутствии, чтобы не допустить оплошность, не сказать что-то неподобающее...

Серж Лифарь объяснил ей после смерти Сергея Павловича:

«Ты давала деньги и ничего не просила взамен. Он не понимал. Это его пугало».

Это правда. Дягилев жил в вечном страхе. В страхе, что его замыслы не осуществляются, идеи не будут приняты публикой, что на него свалятся непредвиденные проблемы, не будет денег на новые спектакли... Он был беспощаден к себе и не жалел других. Он загонял танцовщиков. Заставлял работать до изнеможения, требовал знать всё и обо всем, ходить по музеям, разбираться в литературе. Он говорил только об искусстве. Он был тяжелый человек...

Его последний секретарь, Борис Кохно, только пожал на это плечами.

«— Дягилев боялся мадмуазель Шанель? Да нет же, он ее любил. Дягилев был русский человек. Он верил в бескорыстные побуждения. Это казалось ему естественным.

— Несмотря на то, что Коко была родом из Оверни?

— Несмотря ни на что».

* * *

Заметила странное соседство в книжном шкафу. Нужно уметь читать знаки. Ольга считает — это всё мои

фантазии. То же, что угадывать фигуры в облаках. Ей не объяснить, что на языке знаков с нами разговаривает Вселенная. Она думает, что понимает меня. Но она меня не чувствует.

Ахматова, под ней «Улисс», Достоевский вверх ногами, Сорокин «Роман», По, без имени — но я знаю, что это Эдгар По. «Русский балет». Снова Достоевский, над ним — «Миф и человек. Человек и сакральное». Рильке. Цветаева. «Смерть театра». Нижинский. Нижинский. Нижинский...

После меня никто не откроет этих книг, люди больше не читают. Скоро все книги сожгут в печах. Мне жаль их, как осиротевших детей.

Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит — удивляюсь, не любит — удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен.

* * *

Сцена — Цветаева писала — это «поднятая от земли площадь, и самочувствие на ней — самочувствие на плацдарме, перед ликом толп».

У сцены свой закон — беспощадный. Ты вышел один, говорящий за всех. Или один против всех.

Мое место — на сцене.

А Нижинский? Он выше. НАД сценой. Как Бог над нами. Бог танца.

Танец никогда не лжет.

Вчера снова приходил тот незнакомец. Оставил охрану на лестнице — только теперь я заметила, он ходит с охраной. Снова принес фрукты и конфеты, печенье, масло, шоколад. И отдельно на блюде — жареную рыбу с картофелем. Мы устроили пир.

Говорил — если бы всё шло своим чередом, я бы сегодня танцевала в жарко натопленном зале Дворянского собрания или в Царском Селе, а он, скромный переводчик, сопровождающий высокую делегацию, один из всей публики ощутил бы мое одиночество. Говорил, что чувствовал именно это, хотя я убеждала — нет, во все нет, я всегда танцевала радость!

Помнит все мои спектакли — каждую партию, каждый год, каждый месяц и день. Это странно, ведь многое я сама давно забыла. Хранит программки, билеты с премьер. Помнит, в каких платьях, в каких драгоценностях я выходила на каждом бенефисе. Говорит, что товарищи по партии подсмеиваются над ним за старомодное увлечение балетом.

Искала в нем признаки жеманства, присущие мужчинам, которых манит к балету жар любово-страстия, обнаженная телесность других мужчин. Один из них когда-то с изысканной любезностью признался: «Есть вид физического наслаждения, которым я никогда не смогу оскорбить даму». — «Ах, князь, вы готовите себе очень грустную старость», — ответила я...

Нет, нет, он не дает повода усомниться. Он исполнен рыцарства и мужественности.

Как давно я не слышала стихов! Как давно в этих комнатах не звучала иностранная речь. *Du bist im Schnee begraben, mein Rusland...*

Он дал понять, что близок к высшим кругам и знает их цель. Оказывается, катастрофа преобразила мир не повсеместно. В Африке нет снега — напротив, там установился благоприятный климат, близкий к субтропическому. Там создается новое государство предприимчивых людей, с фантастической скоростью строится оборонительная линия...

Говорил, что не сочувствует страданиям богатых. Что сам он такая же дрянь, уходящая натура. Он образован, знает шесть языков, не считая двух мертвых.

Мир никогда уже не станет прежним, а новый мир скоро забудет смысл таких вещей, как балет, стихи, философия, этика вместе с эстетикой. Люди будут знать лишь смысл хлеба и одурманивающих веществ. И удовольствия грубого разврата. Говорил, что в оппозиционном правительстве все опиисты, наркоманы. Их сексуальная жизнь принимает странные формы.

Сказал, что принято тайное решение о расстреле Властителя и его семьи, содержащихся в казематах в Кремле. Что этот гуманный приговор — уступка западным державам. Но для главы правительства, министров, губернаторов областей и членов их семей будет применен протокол казней номер один. Это значит — вырывание ноздрей и языка, прободение внутренне-

стей через сажание на кол и всеожжение в жертву новым богам. Точная дата народного торжества пока не назначена — звездочеты вычисляют день благоприятного положения планет.

Я заметила, что, когда он говорит, он становится очень красив. Басурманский принц. Смуглая кожа не розовеет, а бледнеет от волнения.

Отклонялся в девять вечера, испросив разрешения навестить нас снова. Очень корректный, затянутый в эту элегантно-зловещую униформу, которая раньше так пугала меня.

Вот только глаза... Как он раньше ходил среди людей неузнанный, с этими нечеловеческими глазами?

Ольга слушала с трепетом, словно хотела броситься к его ногам. Ночью она рыдала в своей постели. Говорит, что ей жаль дочерей Властителя. Она бывает очень впечатлительной, это утомляет.

И всё же меня что-то в нем беспокоит. Не люблю людей с задней мыслью. Никак не могу вспомнить. Не могу вспомнить, где я видела его лицо...

* * *

Вспоминаю прошлое, будто раскладываю пасьянс. Карты перемешаны на столе, как умершие и живые в моей памяти. Остается только наблюдать, в какой причудливый рисунок соединятся их судьбы.

Каждую жизнь можно рассматривать лишь как последовательность случайностей.

Если бы отец не оставил семью, если бы мать не приехала в Петербург в отчаянном стремлении поднять на ноги троих детей, один из которых был безнадежно болен... Если бы она не преуспела в своем желании правдами и неправдами устроить младшего сына в Императорское училище, на казенный счет. Чиновничье жалованье, возможность обрести высоких покровителей, пенсия по выслуге лет. Хотя и скудно, но обеспеченная старость...

Если бы был безвозвратно исключен из школы за мальчишеские шалости? Если бы не русые волосы, чистая кожа, ясный взгляд? Если бы был бы некрасив, как сестра Бронислава, чей удел навечно — терпение и труд, силовые, характерные партии, робкий взгляд из тени великого брата?

Если бы неточные пропорции его мускулистого тела не помогали подниматься в прыжке так высоко над сценой без видимых усилий? Чудо, противоречащее законам физики, словно капли дождя, падающие вверх?

«Я хочу быть досками пола, по которым вы танцуете», — шептал неистово Жан Кокто. Поэт и рисовальщик, худой и подвижный, как кузнечик, с румянами на щеках и накрашенным ртом.

Бронислава спросила: «Но почему он красится?»
Вацлав смеялся: «Это же Париж!»

Париж лежал у его ног. Его лицо смеялось и хмурилось сквозь призмы сияющих витрин. Он был неразговорчив, погружен в себя.

Мне почему-то представляется, что он принял успех, как ребенок принимает долгожданный рождественский подарок. Возбужденный, раскрасневшийся, мальчик вбегает не в комнату, но в мир волшебной сказки, пахнувший хвоей и мандаринами... Лица родных кажутся незнакомыми, привычные предметы преобразились. Всё замерло в ожидании... Замедляя шаг, он подходит к волшебному дереву, сверкающему сотней разноцветных огоньков... И там... Да! Он знал, что на этот раз взрослые поймут деликатную вязь намеков и жадно-сдержанных взглядов, когда уже два месяца путь к дому или из дома всегда ведет мимо этого магазина, где на видном месте, в самом центре витрины... Да, да, ошибки быть не может, это там — в большой нарядной коробке, перевязанной лентой, украшенной бантом. Да, это счастье — необъятное, совершенное, не рассуждающее...

Грохот аплодисментов. Ослепляющие вспышки. Острый блеск драгоценностей, перчатки дам. Белые руки плещутся в партере, как стая гусей, шумно взлетающих над озером.

Успех. Слава. Как это сладко — проснуться знаменитым, в свежих простынях парижского отеля, когда комнату перерезывает луч между неплотно задернутых штор. Лежать и думать о том, как хорошо и странно было вчера. Мгновенье полной тишины. Шаг к рампе, в перекрещении лучей из прошлого в будущее, как звездоплавателю на неизведанную планету...

Потом, в гримборной, шла носом кровь. Вытолкали поздравляющих, остались вдвоем. Камердинер Василий растирает и моет ноги, он всегда рядом, при нем можно не сдерживаться. Вместо слов Сергей Павлович неловко нагнулся, поцеловал ступню...

Затем, пьяно пошатываясь под тяжестью букетов, идти по узким коридорам, темным лестницам к служебному выходу — Василий следом несет корзины, Дягилев налегке... Авто, сверкающий зеркалами зал ресторана, снова цветы. Пить шампанское, не чувствуя вкуса... «Почему вы совсем ничего не едите?» «Я не хочу». «Вам нужно»... Душная ночь, разметавшийся во сне Париж. Кто привез? Как уложили в постель?

Не помню!

Поцеловал ногу.

От этого можно сойти с ума.

* * *

За оградой гасли маки,
Ночь была легка-легка,
Где-то лаяли собаки,
Чуя нас издалека...

Слава упала на его мальчишеские плечи, как горностаевая мантия. Тяжелая, душная, роскошная — мешала двигаться, мучила ночными кошмарами. Просыпался от крика: «Вы ставите балет моими ногами!»

На приеме у светской дамы стал грызть стакан. Обедали в ресторане. Стал требовать, чтобы из зала удалили людей, которые смотрят на него. Дягилев опрокинул бокал с вином — отвлек внимание, ушли.

Ездили в Брюссель, к Ротшильду. Говорили о том, что в застывших, классических формах творчество вырождается. Что искусство должно развиваться как живой организм, искать и находить новые средства выражения для новых идей.

«...глубокая подготовка и самоуверенная смелость. Надо идти напролом. Надо поражать и не бояться этого, надо выступать сразу, показать себя целиком, со всеми качествами и недостатками своей национальности...»

Путь Дягилева схож с путешествием Колумба. Решив открыть миру Россию, он вместе с этим открыл территорию нового искусства.

Страстно доказывал: русские — не варвары, не язычники, не огнепоклонники. Нет, мы — жрецы истинной мудрости и красоты! И в доказательство предъявлял миру бога танца, Нижинского — поклоняйтесь ему, безумствуйте, приносите жертвы.

Я был мальчиком, и отец хотел научить меня плавать. Он меня бросил в купальную воду. Я упал и пошел на дно. Я не умел плавать, но я почувствовал, что не имею воздуха, тогда я закрыл рот. Я пошел прямо, куда — не знаю. Я шел и шел и вдруг почувствовал под водой свет.

Больные больше чувствуют, ибо думают, что умрут скоро. Больные работают над Богом, не зная того.

Всю ночь я бредила Вацлавом.

Его лицо. Его губы. Его глаза. Его сердце.

Солнце Нижинского!

* * *

— Талант попадает в цель, в которую никто не может попасть, гений — в цель, которую никто не видит.

— Вы не видите цели?

— Разумеется, нет. Однако я чувствую себя прекрасно. Если не брать в расчет обстоятельства.

— Какие?

— Вся наша жизнь — игра.

— Что из этого следует?

— Вы не заметили, балет куда подробней и глубже, чем драма и даже трагедия, исследует случаи патологических влечений, странных одержимостей?..

— Примеры?

— Ну как же! Эта жестокость и холодность к покинутым возлюбленным, бред любовного очарования, внезапное безумие. Мы наблюдаем не столько танец, сколько картины психических болезней...

— Просто вы не знаете, что такое настоящее безумие.

— Не знаю. Скажите.

— Когда у вас даже психиатр — воображаемый.

«Одичание — вот слово! Итак, одичание. Черная, непроглядная слякоть на улицах. Фонари — через два. Пьяного солдата сажают на извощика (повесят?). Озлобленные лица. Языка нет. Любви нет. Победы не хотят, мира — тоже. Когда же и откуда будет ответ?»

Проснулась — камин остыл, нет угля. В комнате дикий холод. Вспомнила — апокалипсис, вечная мерзлота, конец империи. Боже, прости нашу беспечность. Думала о море, представляла, как чувствую ступнями горячий песок... Летний дождь. Драгоценная осень. Нежная весна. Солнце, трава, птичий гомон — неужели этого уже никогда, никогда не случится снова? Неужели я больше никогда не увижу цветов?..

Через два-три дня после премьеры Ольга выбрасывала их — охапками, как сено. Отмывала вазы. В квартире стоял тонкий болотистый аромат...

На толкучке продают приборы, которые теперь никому не нужны. Электростанции остановлены, топлива нет. Даже те, кто успел запастись генератором, не тратят бензин на развлечения — только на поддержание тепла и приготовление пищи. Беспольные телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны никто не покупает.

Информационные войны, социальные сети, политические шоу — весь ком наших мелких и глупых страстей сам собой обрушился в бездну. Вокруг только снег. И мягкая, колыбельная тишина.

Мы слишком громко кричали, не слыша друг друга, мы были назойливы и самодовольны. И вот нас заставили замолчать.

Я жалею только о том, что ни один театр не осветится больше сотнями огней хрустальной люстры, софиты не зальют призрачным светом сцену, и лампочка на пюпитре дирижера не зажжется в сумраке оркестровой ямы, как путеводная звезда...

Человечество умрет в безмолвии и темноте.

* * *

Нижинский начал придумывать «Послеполуденный отдых фавна». Хореография, расписанная по тактам музыкальной пьесы.

Газеты писали:

«Он напоминает самца пантеры, если только сын женщины дерзнет сравниться с подобной красотой. Он владеет даром перемещаться в красоте, держа в ней свои линии в неизменном равновесии. У него есть чутье полезного совершенства, и в каждом мускуле, и в игре их всех, как у пантеры. И так же, как у нее, ни одно движение не лишено могущества и грации в этом великолепном существе. Пантера также и в том, что его самые стремительные прыжки таят в себе какую-то медлительность, настолько они верны. Да, в этой силе столько грации, что он заставит верить, что он ленив: как будто нерастраченной силы остается всегда с лихвой».

Пока он ставил «Фавна», Дягилеву нравился замысел, детали, композиция. Но за репетициями наблюдали приближенные, другие артисты. Они предрекали провал.

За несколько дней до начала парижских гастролей Сергей Павлович сказал, что балет нельзя выпускать, нужно менять всю хореографию.

Вацлав устроил скандал в ресторане «Сиро», в присутствии гостей.

— Я всё брошу и уйду из Русского балета! Но я ничего не изменю в своей постановке! Ты слушаешь, что говорят вокруг... Но ты не имеешь права поддаваться на эти разговоры! Ты должен исходить из требований истинного искусства!..

Дягилев возбужден не меньше.

— Я больше не могу так! Я распущу труппу. Я не могу стоять во главе труппы, где к моему голосу не прислушиваются и я не могу принимать решений. Вацлав еще мальчишка, ему двадцать один год!..

— Ему двадцать три.

— Он не хочет слушать ни слова критики! Я такое в Париже не покажу! Пусть Ваца так и знает! Это никакой не балет. Вы можете передать это своему брату, больше я с ним вести споры не намерен!..

Что делать? Тут явился Лев Бакст, руководитель художественной части.

— Это гениальное произведение, а вы идиоты, если этого не поняли. Вы увидите, Париж будет в диком восторге.

Дягилев сдался:

— Что ж, посмотрим... Попробуем.

Спектакль отыгран, звучат последние такты. В зале — гробовое молчание.

Дягилев вбежал за кулисы, крикнул, чтобы всё повторили еще раз. Мы встали в позиции.

Занавес снова раскрылся, музыка вступила.

Нижинский повернулся к залу.

Юноша-фавн отдыхал на пригорке, увидел нимф, спешащих к ручью, погнался за ними. Одна обронила газовый шарф. Он поднял.

Шесть секунд плавного, тягучего движения, будто во сне — обрывок кадра. Всё, что сохранила киноплёнка.

Зал взорвался криками и грохотом. Это был сумасшедший, оглушительный фурор!

Чудо — приближение к Богу. Для тех, кто видит. Но какова цена для тех, кто совершает чудо? Или для того, кто сам отчасти — бог?

* * *

Ольга ходила на рынок. Сказала, что кошки и собаки совсем исчезли с улиц, но остались крысы. Затем, помолчав, добавила, что давно не видела детей.

Дети перестали рождаться — вечная зима. Человечество погибнет с последним поколением. Пусть, мы это заслужили.

«Но куда делись дети, рожденные до катастрофы?» — спросила она.

— Видимо, их прячут родители. Дети лежат в своих домах, в нагретых кроватях. Их не отпускают на улицу, где снег, пожары, болезнь... Как тот мальчик, сын ресторатора, которого родители прятали в спальне.

Ольга промолчала. Мне не понравился ее взгляд.

* * *

— Видимо, наш гость — Восточный принц, как называет его Ольга — больше не придет. Это к лучшему. Я не могу ему доверять.

— Отчего?

— В жизни осталось слишком мало подлинных вещей. В конце истории человек оказался в мире подделок. Искусственный разум, фальшивая красота. Бриллианты из кварца, клубника из формалина, икра из нефти, шиншилла из кролика...

— Кролик из шляпы...

— Только балет нельзя подделать. Художник не может лгать.

— Все лгут.

— Ты не слышишь меня! Как лебедей кормят хлебом, так разламываешь, крошишь свою душу — вот здесь, у кромки сцены, как у кромки воды... Беспощадный балет. Каждый раз как жертвоприношение. Жрец в колпаке из перьев, с кривым обсидиановым ножом. Склонился над тобой, чтобы вырезать сердце...

— Мне страшно. Отчего-то сегодня мне стало страшно.

Содержание

Проза

Солнце Нижинского	7
Атмосферный фронт	53
Брить или не брить	93
Там были русские	99

Драматургия

Чумовой Декамерон	117
Толстого нет	255
Председатели Земного Шара	313
Не чужие	373

Литературно-художественное издание

Ольга Погодина-Кузмина
«Не чужие» и другие истории

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Аглая Топорова*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 84 x 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 500 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2
тел.: (985) 8000 366
www.fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru,
levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

Рассказы и пьесы
Ольги Погодиной-Кузминой
могут быть написаны
на историческом материале
и посвящены гениям
прошлого — Нижинскому, Толстому
или Маяковскому с Лилей Брик, —
а могут быть выдуманы
от начала до конца.
Но они всегда рассказывают
в том числе и о нас
с вами — о природе человека,
о его судьбе и его страстях.

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

ISBN 978-5-906827-75-3

9 785906 827753

18+